

Чжоу Цзихэн стоял неподвижно, держа маленькое приглашение, написанное от руки, опустив голову, чёрные поля кепки прикрывали его глубокие глаза и скрывали его настроение, он долгое время хранил молчание.

Ся Сицин не знал, что с ним не так. На сердце у него было очень беспокойно, и поднималась определённая эмоция между паникой и стыдом. Это было на него не похоже. Обе эмоции были очень необычны для Ся Сицина.

— Это... - Губы Ся Сицина шевельнулись, и чувство собственного достоинства, которое укоренилось в этом теле слишком много лет, заставило его протянуть руку и выхватить письмо обратно из рук Чжоу Цзихэна. — Это абзац, который я скопировал. Мне действительно нравится этот...

То, что он сказал с большой энергией, закончилось поцелуем Чжоу Цзихэна, который сделал шаг вперёд, его рука держала Ся Сицина за щеку, но Ся Сицин чувствовал, что он держит его собственное встревоженное и умиряющее сердце.

Нежный поцелуй был хорошим лекарством, вернувшим его из мёртвых после тяжёлой утраты.

Ся Сицин протянул руку и обнял Чжоу Цзихэна за спину. Два тела были тесно связаны, его грудь прижималась к его груди, а сердце - к его сердцу.

Когда он записал эти слова своими руками, он почувствовал себя жертвой.

Ради яркого звёздного света Чжоу Цзихэна он пожертвовал всем, что у него было.

Его робость, его старая болезнь, тёмная сторона его тела, его пылкое желание.

На верхнем этаже этого великолепного и скрытного художественного музея их окружают сто работ, эксклюзивно принадлежащих одному человеку.

Мир за дверью использовал этого молодого художника с выдающейся кожей в качестве разменной монеты, вызвав бурю по всему городу, но ему было всё равно. Даже если якобы идеальный план был нарушен, его муза всё ещё была здесь.

Завершение в сожалении ещё более полное.

Чжоу Цзихэн нежно погладил затылок Ся Сицина, поцеловав его в макушку. Его настроение было очень сложным, от первоначальной паники и расстройства до потери, о которой, как он думал, забыли, от гнева, до беспокойства.

Облегчение от того, что они наконец встретились за воротами Художественного музея,

удивление и эмоции от подъёма на верхний этаж.

Все неопишуемые эмоции превратились в безумную любовь к человеку в его объятиях в этот момент.

— Тебе нравятся эти подарки? – Ся Сицин поднял глаза и посмотрел на него, в его глазах текла теплая родниковая вода.

— Люблю. – Чжоу Цзихэн поцеловал его в кончик носа. — Мне нравятся эти, ты нравишься мне больше.

Прямые слова любви горели в моём сердце, и мои уши горели.

Ся Сицин повернулся к нему спиной, взял его за руку и подвёл к скульптуре. Чжоу Цзихэн был удивлён. Это чувство было неопишмым. Он собственными глазами увидел себя превращенным в белоснежное произведение искусства, наблюдая за его плавными, почти реальными линиями, горы такие же глубокие и трёхмерные, как горы. Имея только одну точку лицевых костей, Чжоу Цзихэн всегда чувствовал себя непохожим на себя.

— Это слишком нежно. – Чжоу Цзихэн стоял на расстоянии полуметра, лицом к своему маленькому художнику, немного смущённо улыбаясь. — Ты не думаешь, как я могу быть таким...

— Кто это сказал. – Ся Сицин подошёл и посмотрел Чжоу Цзихэну в глаза, его голос был мягким, как весенний ветерок.

— Ты даже не представляешь, как ты нежен со мной.

Нежность, которую нельзя воспроизвести с помощью почвы и любви.

Сказав это, Ся Сицин снова обернулся:

— Разве ты не обнаружил, что поза этой скульптуры очень знакома?

Эмоции Чжоу Цзихэна ещё не улеглись, и он был поражён своим редким проявлением истинных чувств. Всё его тело было немного пьяным. Он протянул руки и обнял тонкую талию, обтянутую сзади изящным костюмом. Опираясь на плечи, он наклонил голову и устался на скульптуру.

Это не стоячая поза, а сидячая, с открытой верхней частью тела, полными мышцами и чёткими линиями, и мягкой тканью от талии до бедер. Мягкость ткани может быть почти реальной, а текстура и полутекучее состояние настолько реальны, что их невозможно добавить, как будто

вы можете потянуть её, схватив рукой за уголок вниз.

Он слегка наклонил голову, посмотрел на небо своими глазами и держал в правой руке розу, которая только что распустилась. Лепестки розы были мягкими и нежными, а со светом и тенью обращались так, как будто лунный свет, проникающий с косога фасада, освещал его.

Под столешницей находится золотая табличка с именем, на которой выгравировано слово «Вор».

Чжоу Цзихэн внезапно почувствовал себя знакомым:

— Это было... когда я был в заключении, в тот день, когда ты обокрал мой дом?

Ся Сицин повернул его лицо к себе, поцеловал его в щеку, как награду, и очень мило улыбнулся:

— Да.

Он не мог забыть то, что увидел, когда оглянулся на прощание, маленького принца, который держал красную розу в лунном свете.

Картина, застывшая в его зрачках, долго не могла рассеяться в сердце несостоявшегося Ромео, поэтому ему пришлось использовать свои собственные руки и таланты, чтобы навсегда покинуть лунный свет той ночи.

Интерпретируйте Чжоу Цзихэна в форме, которая наилучшим образом отражает суть Ся Сицина.

— Спасибо тебе. - Чжоу Цзихэн нежно погладил Ся Сицина по щеке своей щекой.

Ся Сицин повернул его лицо, и на этом чистом и прекрасном лице появилась детская улыбка.

— Не за что.

— Я должен поблагодарить тебя. - В следующую секунду он снова обернулся, его голос был очень низким и лёгким.

— Ты мой друг.

Чжоу Цзихэн не расслышал этих слов отчётливо, поэтому он обнял его и спросил, но Ся Сицин отказался что-либо говорить. Его сердце билось очень быстро, и он чувствовал, что он,

вероятно, сумасшедший, и он мог говорить такие вещи.

Независимо от того, насколько запутанным он был, Ся Сицин отказался говорить что-либо ещё. Вместо этого он высвободился из его рук и подошёл к скульптуре, делая вид, что наблюдает за работой, и протянул руку, чтобы коснуться щеки скульптуры.

Каким-то образом это действие внезапно заставило Чжоу Цзихэна почувствовать угрозу. Он шагнул вперед и притянул Ся Сицина обратно к себе:

— Не трогай это.

Ся Сицин был необъясним:

— Что ты делаешь?

— Ты прикасаешься ко мне, а я стою здесь живой. - Он схватил руку Ся Сицина и прижал её к своему лицу.

Увидев Чжоу Цзихэна в таком состоянии, Ся Сицин разозлился и развеселился:

— Ты действительно становишься всё более и более многообещающим, ты собираешься съесть весь уксус скульптуры.

Чжоу Цзихэн не потрудился защищаться, когда привык к ревности:

— Да, я просто ревную. - Его брови нахмурились, он внезапно что-то вспомнил и прошептал. — Кто знает, будешь ли ты относиться к этой скульптуре как к своей Галатее.

Ся Сицин на мгновение опешил, так что ревнуй, если ты ревнуешь. Этот парень на самом деле процитировал аллюзии из греческой мифологии.

Он протянул руку и потянул Чжоу Цзихэна за лицо:

— Почему ты такой хороший? Может ли это быть одно и то же? Пигмалион вырезал скульптуру и влюбился в свою собственную скульптуру. У него не было прототипа. У меня есть ты.

Хотя тон был не очень мягким, последние несколько слов упали в сердце Чжоу Цзихэна подобно звёздам, ярко сияющим на всей его груди.

Он внезапно обнял Ся Сицина, целовал и целовал его лицо, такой счастливый, что внезапно забыл о ревности.

— Эй, отпусти меня, это ребячество.

— Не отпускаю, ты мой.

— Если ты не отпустишь меня, я запрю это. Я больше не буду тебе это показывать. Я не буду тебе это посылать.

— Ты не отпустишь меня, если будешь пугать меня. Это всё моё, и ты тоже мой.

Они вдвоём долгое время находились в этом маленьком художественном музее. Одну за другой они увидели все картины, которые Ся Сицин нарисовал для него. Многие из них были написаны Ся Сицином, когда они никогда не встречались. Они были тщательно смонтированы и размещены здесь.

Чжоу Цзихэн не мог избавиться от чувства небольшой вины. Когда он увидел грузовик, проезжающий под жилым домом раньше, он подумал, что Ся Сицин собирается тихо уехать.

Оказалось, что все картины должны были быть перенесены сюда.

В три часа ночи Ся Сицин, который долгое время лежал на руках Чжоу Цзихэна, наконец проснулся от сладости. Его сердце изо всех сил пыталось избежать тревожащего факта, но это произошло, и воздействие было неисчислимым.

Ся Сицин только приходит в индустрию развлечений с намерением разыгрывать билеты. В первую очередь, это не его работа. В конце концов, он хочет вернуться к своей настоящей карьере, но Чжоу Цзихэн отличается от него. Его профессия - актёр, и все его идеалы и амбиции достигаются через исполнение...

Но круг искусства отличается от круга развлечений. Он не хотел, чтобы Чжоу Цзихэн сам был втянут в пучину общественного мнения.

— Тебе следует уйти. - Ся Сицин опустил глаза. — Тебе тоже не следовало приходиться.

Чжоу Цзихэн не хотел слышать от него что-то вроде этого:

— Я должен прийти, я должен приходиться чаще, чем кто-либо другой.

— Это. - Ся Сицин поднял голову и снова вздохнул. — Я имею в виду, что сейчас на меня, должно быть, пялятся много людей. Тебе следует держаться от меня подальше в течение этого времени.

— Всё в порядке. Даже если мы сейчас разъедемся по всему миру, найдутся люди, которые усомнятся в наших отношениях, это не имеет значения. — Чжоу Цзихэн улыбнулся. — Репортёр сделает это, когда получит. Если ты не хочешь предавать это огласке сейчас, я позабочусь об этом. Я так долго дебютировал, и ни один репортёр не осмелится выложить мои откровенные фотографии в Интернет, если только они больше не хотят всё перепутывать.

Ся Сицин почувствовал некоторое облегчение. Сейчас самое подходящее время покинуть Художественный музей. Он повёл Чжоу Цзихэна в сад на заднем дворе Художественного музея, открыл запертую деревянную дверь, и они вдвоём тихо вышли, сев в машину Ся Сицина, припаркованную у задней двери.

Сидя на водительском сиденье, Ся Сицин постоянно размышлял о своей сексуальной ориентации. На самом деле его сексуальная ориентация не была секретом, особенно в итальянском социальном кругу, но она была так внезапно раскрыта в стране, что ему пришлось признаться публично, но это действительно застало его врасплох.

После тщательного обдумывания возникает слишком много сомнений. Время выбрано случайно.

— Это очень странно. Я забуду о том, чтобы сообщить новость. Просто сообщить новость в твой день рождения — это как преднамеренная месть.

— Это просто преднамеренное возмездие. — Чжоу Цзихэн нетерпеливо облизал сухие уголки рта кончиком языка. — Это Вэй? Призрак Ф.

Ся Сицин был немного удивлён. Он думал, что обидел кого-то другого, но он не ожидал, что тот всё ещё был таким трусом:

— Вэй? Думает ли он, что у него долгая жизнь? — Он развязал галстук одной рукой и надел его на запястье. — Я должен был просто позволить себе отрезать его внука в прошлый раз.

— Вероятно, потому, что месть слишком тяжела.

Ся Сицин вдруг немного понял Вэй?

Намерение, Вэй?

Он знал, что он осмелился сделать это со своим собственным капиталом, просто потому, что ему действительно нравились мужчины и он действительно был с Чжоу Цзихэном, он просто хотел взбудоражить общественное мнение и подвергнуть себя критике.

Но он всё ещё недостаточно хорошо знал Ся Сицина.

— Он действительно думает, что может отомстить мне вот так?

Ся Сицин никогда не заботился об общественном мнении, он никогда не полагался на оценку других, чтобы жить.

— Поскольку он сообщил новость о твоей сексуальной ориентации, следующим шагом, если я не ошибаюсь, должно стать поднятие шума из-за твоей предыдущей личной жизни. — Чжоу Цзихэн спокойно проанализировал и успокоил Ся Сицина. — Моя невестка сказала, что разберётся с этим, и позаботится.

— Связи с общественностью полезны, но не самые полезные. — Ся Сицин легонько постукивал пальцами по рулю, с небрежной улыбкой на лице говоря. — Если тебе нравится играть в этот сет, тогда давай посмотрим, кто разорится первым.

На следующий день бурная дискуссия о сексуальной ориентации Ся Сицина на Weibo всё ещё не утихла, и это всё ещё фигурировало в заголовках горячих поисковых запросов.

Цзян Инь связалась с некоторыми большими блогами Weibo и опубликовала несколько сообщений в блоге. Некоторые из них подняли шум по поводу гомосексуализма и притворились гомофобами. Как только эти статьи появились, они сразу же вызвали отвращение и критику у некоторых пользователей сети, и они, естественно, посочувствовали Ся Сицину.

[@Skylc□□r: Некоторые высказывания на Weibo действительно вонючие. Хотя я не гей, я больше не могу это смотреть. Какое тебе дело, что людям нравятся мужчины и женщины? Умер ранним утром!]

[@□□□□□□: Я думал, что времена сейчас улучшились, и общественное мнение о гомосексуализме может быть более терпимым, но я не ожидал, что оно будет таким. Это действительно пугает.]

[@Куда тебе нравится ходить: Я мальчик, и мне тоже нравятся мальчики. В эти дни я действительно чувствую злобу этого общества.]

Но есть также много пользователей сети, которые совершают онлайн-насилие и нападают на сексуальную ориентацию Ся Сицина. Большая часть из них — ядовитый Вэй, который использует сексуальную ориентацию Ся Сицина для написания длинного эссе о сексуальной ориентации Ся Сицина, обсуждая перевёрнутые публикации Ся Сицина, кровососание и различные преступления, и даже программа вышла в Интернет и дошла до сексуальных домогательств на рабочем месте, что действительно вызвало головную боль Цзян Инь.

В конце концов, на данный момент, даже если Ся Сицин не имеет никакого отношения к Чжоу Цзихэну, самое большее, что должны сделать фанаты, — это держать рот на замке и отойти в сторону, а не устраивать катастрофу.

Но в рисовательном кругу всегда есть фанаты, которые не могут этого понять, и они не могут убить своего собственного Айдоу своей позой, когда они его разрывают.

[@I Only love Чжоу Цихэн: Мистер Ся гей, и он неоднократно входил в индустрию развлечений под именем Чжоу Цихэна и много раз сотрудничал с ним. Его сердце наказуемо.]

[@□□□□□□□□ То: Сказать что-то, чего не следует говорить, хотя я и не фанат Чжоу Цихэна, я также чувствую себя очень отвратительно, когда сравниваю своё сердце со своим сердцем. Если моего Айдоу заставят жарить СР с геем, я могу сильно разозлиться.]

[@Пользователь 23345290: Я единственный, кому Ся Сицин не нравится с первого взгляда, когда я его вижу? Это выглядит очень весело. Какой смысл хорошо выглядеть?]

Как только эти замечания прозвучали, они немедленно были засыпаны пользователями сети и фанатами, которые поддержали его, и ни одна из сторон не сдалась.

К счастью, рисовательный круг, в конце концов, небольшая территория, и Вэй Вэй тоже в меньшинстве, так что, в конце концов, он не может вызвать никаких волн.

Воспользовавшись тем фактом, что общественное мнение в Интернете начало благосклонно относиться к обсуждению сексуальной ориентации, Цзян Инь немедленно договорилась с новым автором, чтобы тот высказался с другой точки зрения, например [Гомосексуальность действительно является первородным грехом?], [У меня есть право выбирать, выходить из шкафа или глубоко в шкафу, и я также имею право отказаться выходить из шкафа!], [Это не имеет ничего общего с сексуальной ориентацией, это о свободе] статьи часто появляются в Интернете. Среди них многие известные однополые блоггеры спонтанно написали и опубликовали их, что быстро вызвало повальное увлечение пользователей сети вопросами сексуальной ориентации. Вопрос Ся Сицина о том, чтобы быть незамутненным, был отнесён к категории свободы, точно указывая на слабости многих пользователей сети. И привлекательность.

[@□□□□□□□□: Я думаю, что корень этого вопроса кроется в человеке, который сообщил новость. Это чьё-то личное дело, что другим нравятся мужчины и женщины, и они не сделали ничего вредного для мира. Разве это не посягательство на частную жизнь других?]

[@Marshmallow is very sweet: Неужели мир настолько недостоин, что у тебя даже не может быть свободы любить того, кто тебе нравится?]

Ся Сицин не прислушался к словам Цзян Инь. Его Weibo был онлайн, он всегда следил за тенденцией общественного мнения в Интернете, ожидая наиболее подходящего времени.

По словам Вэй?

С такими мозгами следующий план должен состоять в том, чтобы разоблачить его личную жизнь. Хотя предыдущая личная жизнь Ся Сицина была хаотичной, она ни в коем случае не была беспорядочной. Просто количество людей, которых он преследовал, было значительным, но за раз был только один, не говоря уже о том, что он никогда не оставлял фотографий, потому что никогда никому не доверял. Изображения. Вэй хочет привлечь его к работе с этого момента, это не более чем написание нескольких статей о сплетнях, и шанс найти настоящий молоток очень низок.

Внезапно зазвонил его телефон, и это был Чжао Кэ.

— Алло. – Тон Ся Сицина был слишком спокоен.

Чжао Кэ колебался на другом конце провода:

— Ты... ты в порядке?

— Довольно хорошо. Очень хорошо. – Ся Сицин порылся на верстаке, нашёл леденец, разорвал конфетную бумагу и положил её в рот. — Что-нибудь не так?

— Вэй? Я знаю о Ф. Мой друг сидел с ним за одним столом на вечеринке. В то время кто-то упомянул о его госпитализации. Другие не знали внутренней истории, но, по словам моего друга Вэя в тот момент чуть не свалился со стола, его лицо было очень уродливым, и на обратном пути он продолжал ругаться, говоря, что должен убить кого угодно, чтобы тоже вкусить позор. – Чжао Кэ сделал паузу. — Я только сейчас знаю, что он собирается трахнуть тебя, но, похоже, он готовится разоблачить твою личную жизнь и подвергнуть тебя онлайн-насилию.

— Хех. – Ся Сицин холодно фыркнул. — Он обращается со мной как с папье-маше, и всего лишь несколько слов этих неуместных людей могут заставить меня не поднять голову?

— У меня – Ся Сицина очень твёрдая шея, и я не опускал голову с тех пор, как родился.

Чжао Кэ вздохнул, подумав, что на самом деле нелегко наладить небольшие отношения дома.

— Вокруг так много проблем, от Вэя, этот человек Ф – негодяй, бесстыдник, мой друг сказал, что он начал говорить об этих постельных штучках за ужином, и он вообще не показал ему лица своих компаньонов по постели. Это ужасно говорить, говорят, что это...

Услышав, что Чжао Кэ колеблется, Ся Сицин спросил:

— Что?

Чжао Кэ и Чжоу Цзихэн из одной семьи. Они хорошие дети из семей, работающих в системе. У всех у них перехватывает горло, когда они говорят об этом.

— Мой друг сказал, что он всё ещё показывал им видео, которое записал на свой мобильный телефон на винном столе. Она женщина-звезда третьего уровня. - Он тут-тут, его тон был полон презрения, и он немного беспокоился о Ся Сицине, — Если бы Цзихэн не прибыл вовремя, возможно, ты тоже...

Ся Сицин резко откусил сахарный шарик во рту, его голос звучал хрипло.

— Я понимаю.

Повесив звонок Чжао Кэ, Ся Сицин сел перед своим рабочим столом и сидел тихо, пока кусочки конфет у него во рту не растаяли.

То, что Чжао Кэ сказал раньше, оставило тень в его сердце и повторилось многократно.

Что-то промелькнуло в его голове, Ся Сицин внезапно приподнял уголок рта, достал свой мобильный телефон и набрал номер.

— Алло?

Голос собеседника не был намеренно похож на голос плохого друга, как обычно, но к нему примешивалась некоторая озабоченность:

— Эй, ты в порядке?

— Да ладно, ты ещё не знаешь, кто я такой? - Он рассмеялся и сразу перешёл к делу.

— Ся Чжисю, сделай кое-что для меня.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284229>